

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.4:7(571.150)

А.А. Казаков

*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

ПОСЕЛЕНИЕ БЛИЖНИЕ ЕЛБАНЫ-IV (по материалам Государственного Эрмитажа)

В статье впервые в полном объеме представлены материалы поселения Ближние Елбаны-IV, которые ранее публиковались крайне фрагментарно, что не позволяло провести комплексный анализ всего памятника. Публикация материалов и их анализ, проведенный в сравнении с новыми, полученными и недавно введенными в научный оборот материалами фоминского этапа кулайской культуры, происходящими с территории Барнаульско-Бийского Приобья и сопредельных регионов, позволили говорить о наличии в Барнаульско-Бийском Приобье керамики саровского этапа кулайской культуры, что ранее отрицалось исследователями. Кроме того, публикация этого комплекса дает возможность выделить характерные, культуродиагностирующие признаки керамических комплексов собственно фоминского этапа кулайской культуры. Разграничение саровских и фоминских коллекций позволяет говорить о наличии в Барнаульско-Бийском Приобье как саровских, так и фоминских памятников, а также смешанных, саровско-фоминских, свидетельствующих о трансформации саровского этапа в фоминский именно на территории Лесостепного Алтая. Проведенная работа позволила несколько удревнить начало освоения кулайским населением Лесостепного Алтая и скорректировать пути миграции «кулайцев» на эту территорию.

Ключевые слова: поселение, кулайская культура, анализ, керамика, морфология, орнаментация, миграция

DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-01

Введение

К сожалению, не всегда удается полностью ввести в научный оборот все комплексы материалов, полученные в результате полевых исследований. Это связано с различными причинами (как объективными, так и субъективными). Некоторые археологи намеренно «копят» находки интересующего периода, постоянно работая с ними, дополняя и готовя фундаментальные, крупные исследования. Иногда большие объемы накопленного материала не всегда вписываются в существующие научные концепции, и ученый осмысливает их, пытаясь найти объяснения и вписать полученный материал в схему культурно-исторического развития региона или по-новому ее осмыслить, изменив саму парадигму системы знаний о древней истории. Бывает, что полученные в ходе полевых работ большие объемы материала делят на важные и второстепенные комплексы, публикуя главное и не публикуя полностью, а лишь упоминая кажущиеся второстепенными материалы.

Подобные положения сильно тормозят поступательное развитие наших представлений о древней истории, не позволяя при формировании гипотез оперировать всем объемом материала, что значительно снижает репрезентативность научных построений, а порой приводит к формулировке ложных заключений, которые в последующем приходится пересматривать. К сожалению, нечто подобное случилось и с незначительной частью материалов базового для археологии (не только Лесостепного Алтая, но и всей Западной Сибири) памятника Ближние Елбаны.

Несмотря на то что материалы были получены достаточно давно (с момента окончания работ М.П. Грязнова в урочище Ближние Елбаны (1949 г.) прошло почти 70 лет)

и опубликованы качественно, с построением культурно-хронологических схем, являющихся базовыми для исследователей древней истории Сибири и в настоящее время, материалы с части памятников опубликованы не в полном объеме. Примером может служить ситуация с поселением Ближние Елбаны-IV [Грязнов, 1956].

На этом памятнике была исследована достаточно большая площадь (280 кв. м) и найдены не только фрагменты керамики (не менее чем от 42 сосудов) [Грязнов, 1956, с. 132], но и сопутствующие им вещи [Грязнов, 1956, с. 11]. Однако была опубликована крайне незначительная часть материалов, представленная лишь четырьмя частично реконструированными и одним реконструированным сосудами [Грязнов, 1956, табл. 49.-1–5]. Это несмотря на то, что М.П. Грязнов [1956, с. 132] признавал, что полученный керамический комплекс отличается от большинства сосудов, найденных в погребениях, «...некоторыми особенностями орнамента...».

Среди вещей названы «...обломки двух неопределимых железных предметов, железный нож, железная пряжка, бронзовая, луженая крестовидная подвеска...» [Грязнов, 1956, с. 132]. Согласно сноске, сделанной сразу после перечисления вещей, бронзовая луженая крестовидная подвеска опубликована в более ранней работе «Археологическое исследование территории одного древнего поселка» [Грязнов, 1951]. К сожалению, на рис. 30 под №163 [Грязнов, 1951, с. 109], на который сделана сноска, изображена эполетообразная застежка из могилы-32 могильника Ближние Елбаны-VII [Грязнов, 1956, табл. 52.-11; Ширин, 2003, с. 181].

Несмотря на существенный объем материала с поселения Ближние Елбаны-IV, в распоряжении исследователей имеется лишь его крайне незначительная часть, представленная четырьмя сосудами, и нет ни одной вещи.

Работая с материалами М.П. Грязнова в Государственном Эрмитаже, Т.Н. Троицкая [1979, с. 43] насчитала фрагменты не менее чем от 62 сосудов фоминского типа и в целом описала керамический комплекс с данного поселения. Кроме того, ею опубликованы фрагменты еще от четырех сосудов [Троицкая, 1979, с. 120, табл. 44.-1, 3, 4, 7].

Больше нам о материалах указанного поселения ничего не известно.

Задачей настоящей работы является публикация материалов поселения Ближние Елбаны-IV, хранящихся в Государственном Эрмитаже (№1620).

Материалы и методы

Публикуемый комплекс является культурно-хронологически однородным. Об этом свидетельствуют как полевые наблюдения великолепного специалиста М.П. Грязнова, так и выводы крайне бережно и щепетильно относящейся к мелким нюансам при описании керамики Т.Н. Троицкой [1979], у которой при работе с этим комплексом не возникло предположения о его возможной неоднородности, что позволило ей сделать важные наблюдения при характеристике керамических комплексов кулайской культуры Новосибирского Приобья и Верхнего Приобья. При работе автора с коллекцией (рис. 1–7) также не возникло сомнения в ее целостности.

Судя по отсутствию в составе керамического комплекса фрагментов плоских или приостренных днищ, сосуды были круглодонными. О круглодонности всего комплекса косвенно свидетельствует и полностью реконструированный М.П. Грязновым [1956, табл. 49.-4] круглодонный сосуд.

Сосуды сформованы из хорошо отмученного глиняного теста с мелкими примесями отошителя, с тонкими стенками. Причем можно наблюдать более толстые стенки в верхней части сосуда, которые утончаются на протяжении первой трети, переходя в пример-

но одинаковую толщину тулова и дна. Фрагменты керамики очень плотные, хорошего качества, «звонкие».

Судя по венчикам, сосуды как закрытой баночной формы (диаметр венчика незначительно меньше наибольшего диаметра тулова) (рис. 1.-1, 4, 7; 2.-1-3, 5, 7-8; 3.-1, 5, 7, 8, 13; 4.-1, 4-7; 5.-5, 6; 6.-2, 7), так и открытой (диаметр тулова не превышает диаметра венчика) (рис. 1.-2; 2.-6, 9; 3.-10-12; 4.-2, 3; 5.-1, 2, 8, 9; 6.-1, 8-10; 7.-1, 2, 5). Крайне редко (2 случая) можно наблюдать чуть заметную профилировку венчика (рис. 1.-3; 3.-2). Однако о горшковидных формах можно говорить достаточно условно и лишь в одном случае (рис. 1.-3), скорее всего, при такой слабой профилировке это переходная к горшковидным форма.

Если формы сосудов стабильные, то формы венчиков разнообразнее.

В подавляющем большинстве венчики прямые, срезаны вовнутрь сосуда (рис. 1.-1-6; рис. 2.-1-3, 6-7, 9; рис. 3.-1-5, 7-8, 10-11, 13; рис. 4.-1-7; рис. 5.-1-3, 6, 8, 10; рис. 6.-1, 2, 4, 5, 9; рис. 7.-1-3, 5). Достаточно редко встречаются горизонтальные (рис. 2.-5, 8; рис. 3.-12; рис. 4.-7; рис. 5.-5; рис. 6.-3, 10), срезанные наружу (рис. 1.-7) и воротничковые (рис. 5.-4).

Сами срезы венчиков чаще плоские (рис. 1.-2, 4, 5; рис. 2.-1-3, 5-9; рис. 3.-1, 3, 4, 7, 8, 12, 13; рис. 4.-1, 2, 4-7; рис. 5.-1-5, 9; рис. 6.-1-5, 7, 10; рис. 7.-1-3, 5), встречаются округлые (рис. 1.-3, 6, 7; рис. 3.-2, 5, 11; рис. 4.-3; рис. 5.-8; рис. 6.-8, 9).

На венчиках встречаются карнизики как с внутренней (рис. 1.-4; рис. 2.-2, 6, 8; рис. 3.-4; рис. 4.-4, 5; рис. 7.-1, 2), так и с внешней стороны (рис. 1.-6; рис. 3.-7; рис. 5.-1, 8; рис. 6.-2, 5). Есть и карнизики с двух сторон (рис. 5.-2, 3; рис. 6.-10; рис. 7.-3, 5). Причем в некоторых случаях карнизики очень четко выражены, что позволило Т.Н. Троицкой [1979, с. 43] высказать предположение об использовании при формовке сосуда внутреннего ободка, который «...либо сгорал при обжиге, либо вынимался».

Говоря о морфологических особенностях описываемого керамического комплекса, стоит отметить, что практически на всех сосудах «жемчужины» на внутренней поверхности, образовавшиеся при нанесении ямок, сглажены полностью (рис. 1.-1, 3-6; рис. 2.-1, 3, 5; рис. 3.-1, 4, 7, 11, 13; рис. 6.-1-5) либо частично (рис. 1.-2, 7; рис. 2.-7; рис. 3.-2, 8, 10; рис. 6.-7, 8, 10). Но встречены и сосуды, у которых «жемчужины» не сглаживались вообще (рис. 7.-1, 2, 5).

Немного забегая вперед, вслед за Т.Н. Троицкой можно говорить о том, что самые четкие карнизики и незаглаженные «жемчужины» встречаются только на сосудах с резным волнообразным орнаментом (рис. 7).

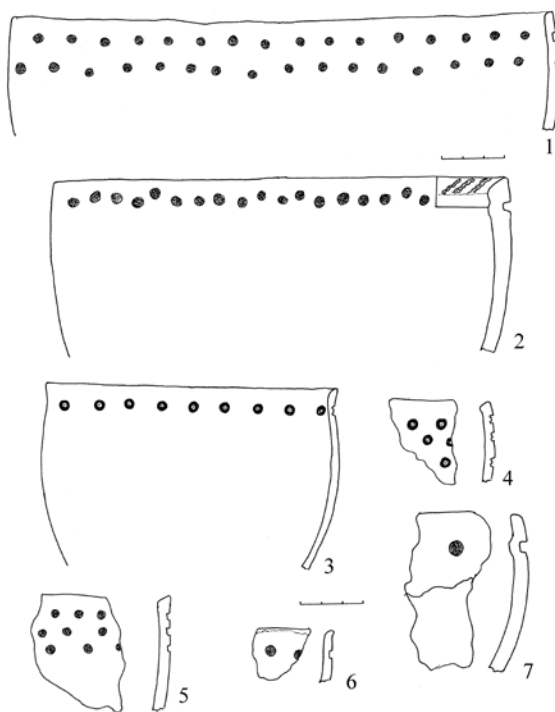

Рис. 1. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с ямочным орнаментом

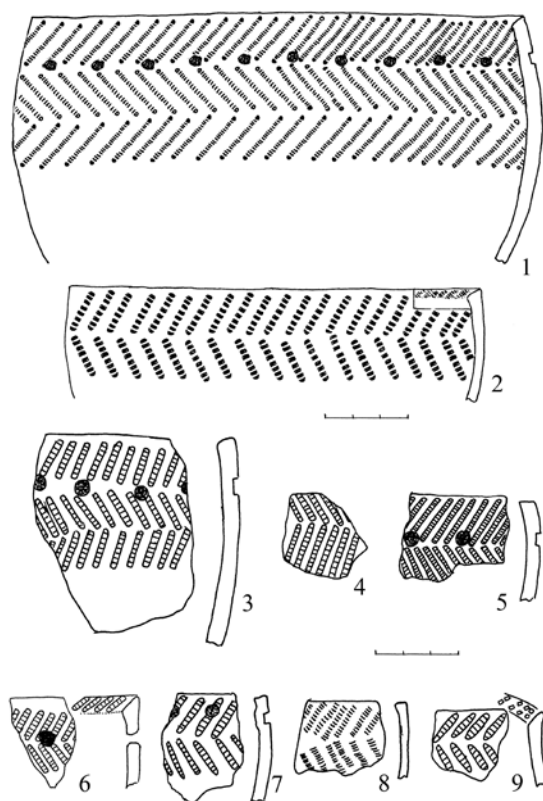

Рис. 2. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV.

Сосуды с простым гребенчатым орнаментом

рис. 3.-7; рис. 6.-1, 2, 8; рис. 7.-5). Вероятнее всего, одни наносились орнаментиром с плоским рабочим концом, другие – с полым (возможно, трубчатой костью птицы).

Треугольный штамп (рис. 4.-1, 3, 5; рис. 5.-2-4, 6, 8, 9) также имел разновидности, а именно форму, близкую к шеврону, с закругленным углом немного вытянутого треугольника (рис. 4.-2, 4, 6, 7; рис. 5.-1, 5, 7).

Наибольшая вариабельность наблюдается у гребенчатого штампа. Самым распространенным является так называемая гусеничка, когда отпечаток имеет четко выраженную форму рабочего края орнамента, который при штамповании полностью погружался в глиняное тесто. Зубцы у этого штампа большие, с тонкими и невысокими перегородками между ними. «Гусеничка» имела, как правило, прямоугольную форму со слегка округлыми углами (рис. 2.-3-6; рис. 3.-1, 2, 7, 8, 13; рис. 4.-2, 3; рис. 5.-2, 3, 8; рис. 6.-1, 4, 6, 8-10; рис. 7.-1), встречены сильно вытянутоовальные (рис. 2.-7, 9; рис. 5.-4; рис. 6.-2, 3, 5) и четко прямоугольные формы (рис. 3.-5, 6, 12). Можно увидеть и «гусеничку» с усиленным концом, когда один из концов (верхний или нижний) не пропечатывался на орнаментальном поле (рис. 3.-10). В одном случае встречена достаточно редкая дугообразная гребенчатая «гусеничка» (рис. 5.-5).

Распространенной формой гребенчатого штампа-«гусенички» является гребенчатая «уточка». На фрагментах керамики встречены как классические формы «кулай-

Из орнаментальных элементов наиболее часто встречаются наколы различной формы и отпечатки гребенчатого, реже гладкого штампа.

подавляющее большинство орнаментальных элементов наносилось в статичной манере, однако встречены и орнаментальные элементы (причем не в единичном количестве), нанесенные в динамичной манере. Это резные волнообразные линии выполнены как проташенной гребенкой, о чем свидетельствует их параллельность (рис. 7.-2, 3, 5), так и специальным инструментом с одним рабочим краем или зубом, на что указывают непараллельность волнистых линий и разное их количество на одном и том же сосуде (рис. 7.-1). Встречен и фрагмент сосуда с отступающей гребенкой (рис. 3.-12).

Из наколов наиболее часто встречаются ямки и треугольный штамп. Следует отметить, что ямки наносились разными орнаментами. У одних дно плоское (рис. 1.-1, 2, 5-7; рис. 2.-1, 3, 5, 7; рис. 3.-1, 2, 4, 8, 10-13; рис. 6.-3-5, 7, 10; рис. 7.-1, 2), другие имеют форму кольца с выпуклиной посередине (рис. 1.-3, 4;

ской уточки» с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным четким одинаковым углом в изломах (рис. 6.-1, 3, 5, 6), так и эсвидный гребенчатый штамп-«гусеничка» (рис. 6.-2, 4; рис. 7.-2, 4), являющийся разновидностью «уточки».

Кроме «гусенички» встречен и обычный гребенчатый штамп, при нанесении которого отпечатываются только зубцы, а сама форма орнамента не оставляет отпечатка на орнаментальном поле. Имеются его разновидности: частый мелкозубый штамп с тонкими зубцами, расположенными перпендикулярно длинной оси орнамента (рис. 2.-1, 2, 8), крупнозубый гребенчатый штамп (рис. 3.-3, 4, 9, 11; рис. 4.-6, 7) и крупнозубый дугообразный гребенчатый штамп (рис. 5.-1).

Гладкой «уточки» на керамике не встречено, однако имеется гладкий штамп непонятной формы, напоминающей «уточку» с сильно раздутым туловом (рис. 6.-7, 8, 10). К сожалению, более точно описать этот штамп достаточно сложно, аналогии ему автору неизвестны, как и термин, которым подобный штамп обозначается.

Достаточно редким орнаментальным элементом является и такая разновидность гладкого штампа, как полулунный (рис. 6.-9).

Орнаментальные мотивы, как и орнаментальные элементы, разнообразны. Наиболее распространенные – горизонтальный (рис. 1.-1-6; 5.-1, 5; 6.-1-10; 7.-1, 2, 4, 5), вертикальный (рис. 3.-1-3, 8-13; 4.-2; 5.-6), наклонный (рис. 3.-4-6, 9, 12; 4.-3, 6, 7; 5.-2-4, 6, 8; 6.-3, 7, 9, 10; 7.-1) и ленточный (рис. 3.-3). Наряду с простыми мотивами встречаются и сложные, такие как зигзагообразный (рис. 3.-8, 7), «елочка» (рис. 2.-1-9; 4.-2; 6.-1, 2, 4-6), паркетный (рис. 4.-1-3, 5; 5.-2-4, 6-9), ромбический (рис. 3.-8), волнообразный (рис. 7.-1-5).

Как правило, украшалась только верхняя часть сосуда, орнаментальные элементы не опускались ниже трети его высоты.

В большинстве случаев орнаментировался и срез венчика. Орнамент по срезу, как правило, наносился одним из штампов, которым украшалось и тулово (рис. 2.-2, 6, 9; 3.-1-4, 7, 8, 10-13; 4.-2-7; 5.-1, 2, 4-6; 6.-1-5, 7-10; 7.-1, 5). У сосудов, орнаментированных только такими элементами, как ямки или треугольный штамп, срез венчика чаще всего не орнаментирован (рис. 1.-1, 3-7; 4.-1; 5.-9).

Орнаментальная композиция достаточно сложна.

Как уже отмечалось, ямки (кольца) и треугольники (фестоны) на одном сосуде ни разу не совмещались. В некоторых случаях ямки и треугольники могли выступать как

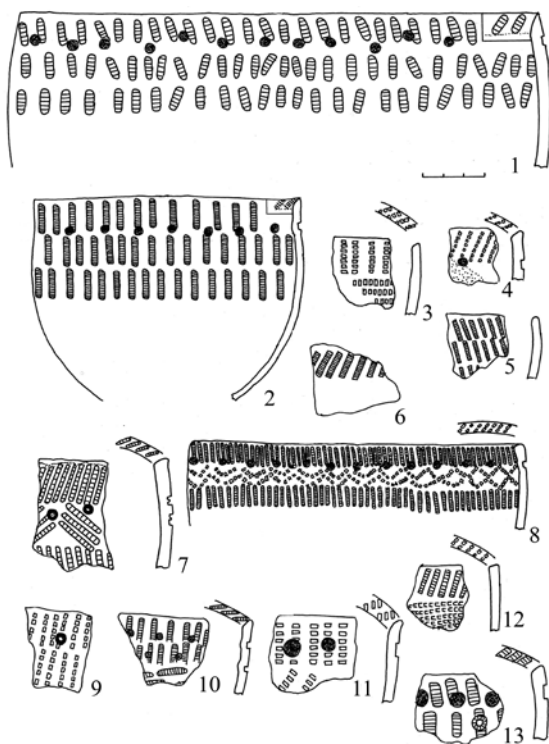

Рис. 3. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с простым и сложным гребенчатым орнаментом

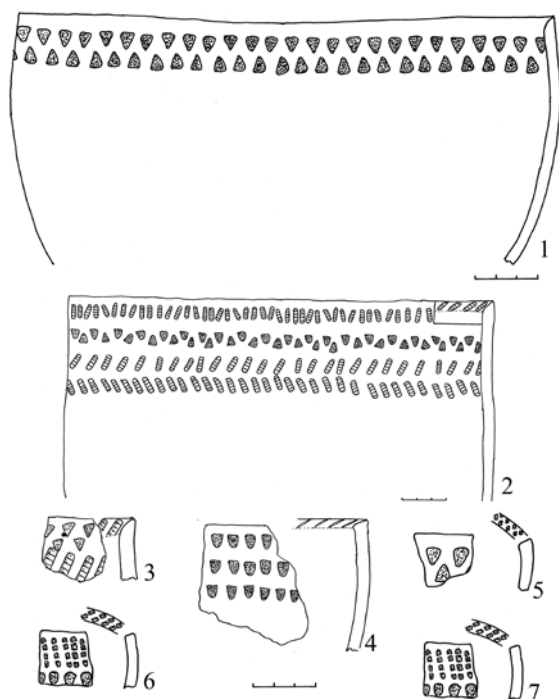

Рис. 4. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с фестонами и паркетным мотивом

разделительная функция ямок не всегда читается явно, то треугольники всегда достаточно четко вписаны между орнаментальными строками, нанесенными гребенчатым штампом. Следует отметить, что треугольники с другими орнаментальными элементами, кроме гребенчатого штампа, не встречаются. Очень часто ямки наносились поверх других элементов орнамента, что иногда ставит их функцию как разделителей под сомнение. Орнаментальные элементы очень четкие, пропечатаны аккуратно и тщательно. При орнаментации сосуда использовался только один гребенчатый штамп.

Орнаментальных строк на одном сосуде встречено от одной до семи. Наряду с достаточно свободным размещением орнаментальных элементов часто обнаруживается и очень плотное заполнение орнаментального поля четкими отпечатками штампа, что характерно в основном для сосудов, в орнаментальной композиции которых присутствует «уточка» (рис. 6.-1-4, 6, 7, 9) или волнистые линии (рис. 7.-1, 2, 4, 5). «Уточка» всегда встречается в сочетании с гребенчатой «гусеничкой» и ямками, образуя не менее двух горизонтальных строк между отпечатками гребенки (рис. 6.-1-3, 5, 7, 8). Только в одном случае встречена разновидность «уточка» (эсвидный гребенчатый штамп), нанесенной в одну орнаментальную строку между волнистыми линиями (рис. 7.-2).

Столь подробное описание публикуемого керамического комплекса необходимо для его более обоснованной культурно-хронологической интерпретации.

Полученные результаты и их обсуждение

Даже на первый взгляд видно, что в работе представлен ранее неизвестный исследователям на территории Лесостепного Алтая керамический комплекс, а точнее комплекс,

самостоятельные элементы декора, образуя один или несколько (до трех орнаментальных строк) горизонтальных поясков по верхней части сосуда (рис. 1.-1-7; 4.-1, 4, 5; 5.-7, 9). Треугольники одной орнаментальной строкой не наносились, как самостоятельный элемент использовались только в паркетном мотиве (рис. 4.-1, 5; 5.-7, 9) или несколькими орнаментальными строками (рис. 4.-4).

Более сложные композиции состояли из двух элементов орнамента, за исключением композиций, в построении которых использовались гребенчатые «уточка». Одним из обязательных элементов сложных орнаментальных композиций являлись ямки или треугольный штамп. Они выступали как разделители орнамента. Достаточно редко орнаментальная композиция строилась только из отпечатков гребенчатого штампа, образующего мотив «елочка» (рис. 2.-2, 8, 9). Причем если

фрагментарная публикация которого не позволяла составить о нем целостное представление, благодаря чему его трактовали как относящийся к фоминскому этапу кулайской культуры, считая однородным с керамическим комплексом могильника Ближние Елбаны-VII [Грязнов, 1956, с. 132; Троицкая, 1979, с. 43; Чиндина, 1984, с. 162, 225].

Введение в научный оборот этого материала позволяет по-новому взглянуть на культурно-исторические процессы, происходившие в Барнаульско-Бийском Приобье на рубеже эр.

В настоящее время в связи со значительным пополнением корпуса источников следует признать, что отнесение керамического комплекса с поселения Ближние Елбаны-IV к фоминскому этапу кулайской культуры следует пересмотреть.

Об этом свидетельствуют достаточно представительные комплексы фоминской керамики, полученные с исследованных в последние годы (после исследования на Ближних Елбанах) памятников, представленных в основном поселениями и тремя погребениями могильника Татарские могилки [Ширин, 2003] (памятник известен под разными названиями, обоснование используемого названия см: [Григоров и др., 2018, с. 6–7]).

К поселениям, материалы которых позволяют составить достаточно полное представление об их керамических комплексах, относятся Усть-Чумыш-1 [Шамшин и др., 1992], Чудацкая гора [Ширин, 2004], Малоугренево-1 [Казаков, 2016а], Енисейское [Казаков, 2016а], Бийское городище-2 [Казаков и др., 1993; Казаков и др., 1994], Бийское городище-4 [Казаков и др., 1993; Казаков и др., 1994], Бийское городище-6 [Казаков и др., 1993; Казаков и др., 1994], Троицк-1 [Бородаев и др., 1993], Фоминское [Казаков, 2016б], Малый Иткуль-1 [Абдулганеев, 2001], Кислянский Рыбак-1 [Сайберт, 2017].

Большое количество памятников, содержащих однородные керамические комплексы, позволяет охарактеризовать поселенческую фоминскую керамику в целом: это тонкостенные, сформованные из тонкоотмученного глиняного теста с мелкими фракциями отошителя круглодонные сосуды преимущественно баночной формы (как открытые, так и закрытые) [Казаков, 2016а, рис. 1.-1–3, 6–8, 11–13, 15–16; рис. 3.-1, 3–5; Казаков и др., 1993, рис. 3.-1, 5, 7, 8, 13, 17, 18, 21; рис. 4.-8, 9, 12, 14, 15, 17, 18; Казаков, 2016б, рис. 1.-2-10; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-1–7, 9–10; рис. 3.-1, 2, 4, 5, 9–10; Сайберт, 2017, рис. 2] с прямыми венчиками. Встречаются и переходные к горшкам формы со слабопрофилированными венчиками [Казаков, 2016а, рис. 1.-5, 8, 9, 10, 14, 17; рис. 3.-2, 6; Абдулганеев, 2001, рис. 3.-3, 7, 11, 12; Сайберт, 2017, рис. 2]. Срезы венчиков в основном горизонтальные [Казаков, 2016а, рис. 1.-1–3, 11, 14; рис. 3.-1–3, 6; Казаков и др., 1993, рис. 3.-5, 7, 13, 18; рис. 4.-9, 15; Казаков, 2016б, рис. 1.-5–8, 10; Абдулганеев,

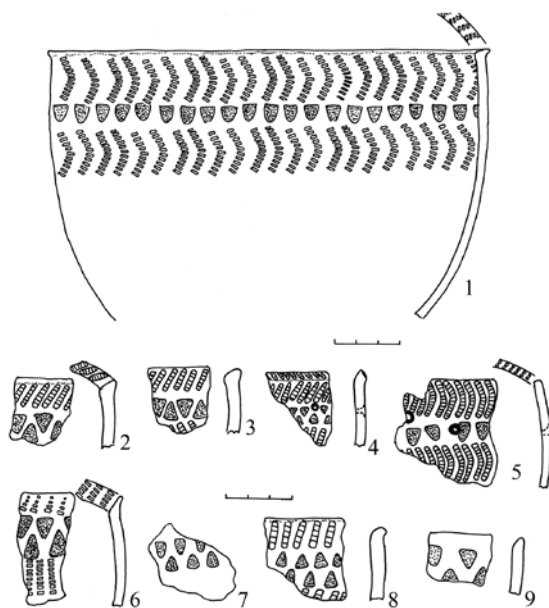

Рис. 5. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с фестонами и сложным паркетным мотивом

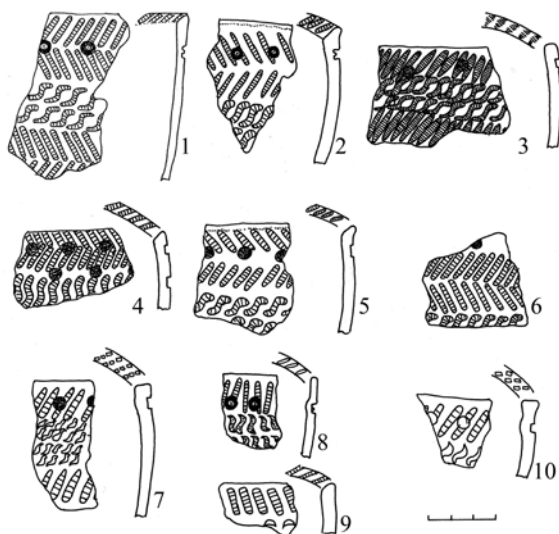

Рис. 6. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с фигурным штампом

«Жемчужины» на внутренней поверхности, образовавшиеся при нанесении ямок, сглажены либо полностью [Казаков, 2016а, рис. 1.-1, 10, 11, 13; Казаков и др., 1993, рис. 3.-1, 7, 18; рис. 4.-8, 9; Казаков, 2016б, рис. 1.-4, 7; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-2-4, 6, 9; Сайберт, 2017, рис. 2], либо частично [Казаков, 2016а, рис. 1.-2, 6-8, 15, 16; рис. 3.-3, 6; Казаков и др., 1993, рис. 3.-8, 21, 25; Казаков, 2016б, рис. 1.-3, 9; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-5; Сайберт, 2017, рис. 2]. Сосуды, у которых «жемчужины» не сглаживались, отсутствуют.

Все орнаментальные элементы наносились только в статичной манере.

Из орнаментальных элементов наиболее часто встречаются ямки с плоским дном, наносимые орнаментиром с плоским рабочим краем. Кольчатые ямки встречаются только на одном сосуде [Сайберт, 2017, рис. 2]. Отпечатков треугольного штампа не встречено вообще.

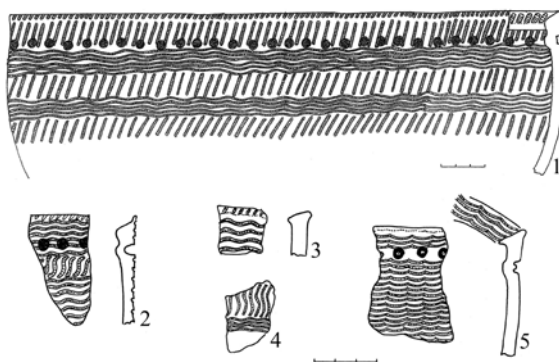

Рис. 7. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны-IV. Сосуды с волнообразными линиями

2001, рис. 2.-1, 4, 7; Сайберт, 2017, рис. 2] или округлые [Казаков, 2016а, рис. 1.-6, 9, 10, 12-15, 17; рис. 3.-4, 5; Казаков и др., 1993, рис. 3.-1, 8, 17, 25; рис. 4.-8, 14, 18; Казаков, 2016б, рис. 1.-2, 3, 9; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-2, 3, 6, 9, 10], встречаются как срезанные внутрь сосуда [Казаков, 2016а, рис. 1.-7, 16; рис. 3.-1; Казаков и др., 1993, рис. 4.-17; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-1, 2, 5, 9; Сайберт, 2017, рис. 2], так и наружу [Казаков, 2016а, рис. 1.-5]. Иногда мы можем наблюдать утолщения с внутренней стороны венчика [Казаков, 2016а, рис. 1.-3, 6, 17; рис. 3.-2, 4, 6; Казаков и др., 1993, рис. 3.-17; рис. 4.-8, 9, 15, 17; Казаков, 2016а, рис. 1.-7, 10]. Карнизики не встречено.

Вторым по распространенности элементом является гребенчатый штамп, с незначительной вариабельностью. В основном это обычный гребенчатый штамп, при работе которым отпечатываются только зубцы. Встречены его разновидности: крупнозубый гребенчатый штамп [Казаков, 2016а, рис. 1.-1, 5, 17; Казаков, 2016б, рис. 1.-3; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-6; Сайберт, 2017, рис. 2], частый мелкозубый штамп с тонкими зубцами, расположенными параллельно длинной оси орнамента [Казаков, 2016а, рис. 1.-7; Ка-

заков и др., 1993, рис. 3.-1] и частый мелкозубый штамп с зубцами, расположенными перпендикулярно длинной оси орнамента [Казаков и др., 1993, рис. 3.-7]. Гусеничка, как правило, прямоугольной формы со слегка скругленными углами [Казаков, 2016а, рис. 1.-7, 8, 16; рис. 3.-6; Казаков, 2016б, рис. 1.-4, 6, 7, 10; Сайберт, 2017, рис. 2] или сильно вытянутооформленной формы [Казаков, 2016а, рис. 1.-15]. Встречена и дугообразная гребенчатая гусеничка [Казаков, 2016а, рис. 1.-3, 6, 14; рис. 3.-2, 3].

Достаточно распространенной формой гребенчатого штампа-«гусенички» является «гребенчатая уточка». Причем классические формы «кулайской уточки» с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным четким одинаковым углом в изломах отсутствуют, их заменяет эсвидный гребенчатый штамп-«гусеничка», являющийся разновидностью «уточка» [Казаков, 2016а, рис. 1.-9–11, 13; рис. 3.-1, 5; Казаков и др., 1993, рис. 3.-13, 17; рис. 4.-15, 17; Казаков, 2016б, рис. 1.-8; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-2; Сайберт, 2017, рис. 2]. Достаточно распространенным является и гладкий эсвидный штамп [Казаков, 2016а, рис. 1.-2, 4; рис. 3.-4; Казаков и др., 1993, рис. 3.-24, 25; рис. 4.-8–9, 11–12, 14, 18; Казаков, 2016б, рис. 1.-2, 9; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-5, 6]. Еще одна разновидность гладкого штампа – полулунный [Казаков, 2016а, рис. 1.-12; рис. 3.-6].

Из других элементов орнамента на описываемом керамическом комплексе встречены аморфные штампы непонятной формы, вероятнее всего, имитирующие «уточку», так называемые змейки [Бородаев и др., 1993, рис. 1.-9; рис. 2.-13; Казаков, 2016б, рис. 1.-5] и в одном случае – двучленная имитация «уточка» [Абдулганеев, 2001, рис. 2.-1] и гладкий штамп [Абдулганеев и др., 1994, рис. 2.-4].

Наиболее распространенными являются такие мотивы, как горизонтальный, который присутствует практически на всех сосудах, наклонный [Казаков, 2016а, рис. 1.-5, 7, 8, 15–17; рис. 3.-6; Казаков, 2016б, рис. 1.-6, 10; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-4, 6; Сайберт, 2017, рис. 2] и ленточный [Казаков, 2016а, рис. 1.-13; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-6]. Наряду с простыми мотивами встречаются и сложные, такие как зигзагообразный [Казаков, 2016а, рис. 1.-1; Казаков, 2016б, рис. 1.-7; Сайберт, 2017, рис. 2] и елочка [Казаков, 2016а, рис. 1.-7, 16; Казаков и др., 1993, рис. 3.-1, 7; Казаков, 2016б, рис. 1.-4; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-4; Сайберт, 2017, рис. 2].

Вертикальный, паркетный, ромбический и волнообразный мотивы отсутствуют полностью.

Украшалась только верхняя часть сосуда, орнаментальные элементы не опускались ниже трети его высоты.

Иногда орнаментировался срез венчика [Казаков, 2016а, рис. 1.-8, 17; рис. 3.-6; Казаков и др., 1993, рис. 4.-8; Казаков, 2016б, рис. 1.-3, 4, 6, 7; Абдулганеев, 2001, с. 107].

Орнаментальные композиции состоят, как правило, не более чем из двух элементов. Одним из обязательных элементов таких двусоставных композиций являются ямки. Они выступают как разделители орнамента. Разделительная функция ямок не всегда явная. Очень часто они наносились поверх других элементов орнамента, что иногда ставит их функцию как разделителей под сомнение. Орнаментальные элементы четкие, но пропечатаны не очень аккуратно и тщательно, имеют разные углы наклона и не всегда составляют четкую горизонтальную линию, немного отклоняясь от нее в разные стороны. Интервалы между элементами также не всегда одинаковы.

Только в одном случае встречена орнаментальная композиция, совмещающая вместе с ямками три орнаментальных элемента [Казаков, 2016а, рис. 3.-6].

Орнаментальных строк на одном сосуде встречено от одной до семи, элементы размещены достаточно свободно. Плотное заполнение орнаментального поля очень четкими отпечатками штампа не встречено. «Уточка», как гладкая, так и гребенчатая, выступает как самостоятельный элемент орнамента [Казаков, 2016а, рис. 1.-2, 4, 9, 10, 11, 13; рис. 3.-1, 4, 5; Казаков и др., 1993, рис. 3.-13, 17, 24, 25; рис. 4.-8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18; Казаков, 2016б, рис. 1.-2, 8, 9; Абдулганеев, 2001, рис. 2.-2, 5, 7; рис. 3.-2, 3, 4, 7, 12], не сочетаясь ни с какими другими орнаментальными элементами, кроме ямок, которые выполняют скорее не декоративную, а разделительную функцию, являясь чуть ли не обязательным элементом любой орнаментальной композиции.

Особо отметим, что керамический комплекс поселения Троицк-1 [Бородаев и др., 1993] абсолютно ничем не отличается от описанной выше поселенческой керамики фоминского этапа кулайской культуры.

Керамика фоминского типа из погребально-поминальных комплексов достаточно подробно охарактеризована Ю.В. Шириным [2003, с. 91–100]. Она идентична поселенческой керамике и составляет с ней единый комплекс.

Исключением является один сосуд из могилы-33 комплекса Ближние Елбаны-VII, в орнаментации которого встречены треугольники, паркетный и вертикальный мотивы [Ширин, 2003, с. 182], и один сосуд из могилы-98 комплекса Ближние Елбаны-VII, в орнаментации которого встречен вертикальный мотив и плотное, ровное, четкое расположение орнаментальных элементов, с классической «кулайской уточкой» [Ширин, 2003, с. 199].

Еще раз оговорюсь, что из всего представительного комплекса, насчитывающего около 100 сосудов только из погребений [Ширин, 2003, с. 91], всего два сосуда не отвечают его достаточно стандартным характеристикам и явно являются исключением. Вполне возможна хронологическая неоднородность погребального поля могильника Ближние Елбаны-VII, или захоронение членов коллективов, недавно принятых в их состав в результате брачно-семейных либо иных отношений с соседями, имеющими несколько отличные традиции орнаментации.

Заключение

Сравнение керамического комплекса фоминского этапа кулайской культуры и поселения Ближние Елбаны-IV позволяет нам говорить, что керамический комплекс поселения достаточно сильно отличается от керамики фоминского этапа. Эти различия прослеживаются и в морфологических, и в орнаментальных особенностях и заключаются в следующем:

1. Крайне малое представительство в формах сосудов горшковидных или переходных к горшковидным форм, достаточно распространенных в фоминской керамике.
2. Широкое распространение карнизиков, которые отсутствуют на фоминской керамике.
3. Наличие не заглаженных с внутренней стороны сосуда «жемчужин», образовавшихся после нанесения ямок. Подобного на фоминской керамике не встречается.
4. Наличие орнаментальных элементов, нанесенных в динамичной манере, чего на фоминской керамике не встречено ни разу.
5. Широкое распространение такого орнаментального элемента, как ямки в форме кольца с выпуклиной посередине. Подобный элемент отмечен на фоминской керамике лишь в одном случае.
6. Широкое распространение в орнаменте треугольников, полностью отсутствующих на фоминской керамике.
7. Присутствие классической формы «кулайской уточки» с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным, четким одинаковым углом в изломах.

8. Отсутствие гладкой «уточки», широко распространенной на фоминской керамике.

9. Присутствие волнообразных резных линий, полностью отсутствующих на фоминской керамике.

10. Наличие в орнаментальной композиции вертикального, паркетного, ромбического и волнообразного орнаментальных мотивов, которые отсутствуют на фоминской керамике.

11. Орнаментальные элементы очень четкие, пропечатаны аккуратно и тщательно, плотно заполняют орнаментальное поле, что не характерно для фоминской керамики.

12. «Уточка» как самостоятельный элемент орнамента никогда не использовалась, всегда сочетаясь с другими элементами, не считая ямок и треугольного штампа. На фоминской керамике ни одного случая сочетания «уточки» с другими орнаментальными элементами не зафиксировано.

13. Присутствие сложных орнаментальных композиций, совмещающих с наколами различной формы (ямками или треугольным штампом) трех и более орнаментальных элементов, чего нет на фоминской керамике.

Выявленные различия не позволяют нам отнести публикуемый комплекс к фоминскому этапу кулайской культуры.

Почти полные аналогии керамическому комплексу поселения Ближние Елбаны-IV мы находим в саровской керамике (группы 7–9 по Л.А. Чиндиной [1984, с. 92–94]) Томского Приобья. Индикаторами принадлежности к саровским керамическим комплексам, по мнению Л.А. Чиндиной [1984, с. 89–90], служат следующие признаки:

1. На саровской керамике мало горшковидных форм (прямые венчики).

2. Только на саровской керамике срез венчика скошен внутрь или горизонтально уплощен, с нависающим внутрь бортиком (карнизиком).

3. Наличие отступающей техники нанесения орнамента.

Т.Н. Троицкой [1979, с. 40] выделена и такая особенность саровской керамики, как плотный дробный орнамент, который присутствует и на рассматриваемом комплексе поселения Ближние Елбаны-IV.

Кроме того, практически все выделенные особенности, отличающие рассматриваемый комплекс от фоминского, характерны для керамики саровского этапа кулайской культуры.

О горшковидных формах, карнизиках на венчиках, динамичной технике нанесения, плотном и дробном орнаменте мы уже говорили. Другие выделенные особенности мы находим в работе Л.А. Чиндиной [1984, с. 92], которая характеризует саровскую керамику следующим образом: «набор элементов: гребенка, всех вариантов уточка, треугольнички, ... шевроны... Преобладают горизонтальные, вертикальные и наклонные мотивы, широко использовалось паркетное сочетание различных треугольников, змейки, уточки. ... волна здесь проходит лейтмотивом. ... применялась отступающая техника.

Все охарактеризованные особенности позволяют нам отнести поселение Ближние Елбаны-IV к саровскому типу памятников кулайской культуры».

Для территорий Верхнего Приобья, по мнению Л.А. Чиндиной [1984, с. 94], характерен упрощенный вариант 7-й группы и комплексы 9-й группы. А 9-я группа представляла собой финальный тип саровского этапа.

Для 9-го этапа Л.А. Чиндиной выделены такие признаки, как «открытые и закрытые (сферических очертаний) банки и чаши, горшки как исключение. Набор элементов: гребенка, уточка, различные шевроны, треугольнички, ямки, трехчленный штамп. Господствуют горизонтальные, вертикальные, наклонные и паркетные мотивы. Обыч-

но одно-, двухрядные пояса уточек, гребенки чередуются с паркетно расположенными треугольниками и шевронами» [Чиндина, 1984, с. 94].

Таким образом, мы наблюдаем тенденцию к упрощению орнаментальной композиции на фоминском керамическом комплексе. Фоминская керамика представляет собой более простые варианты, из которых полностью исключены некоторые орнаментальные элементы и мотивы.

Это позволяет нам либо выделить самостоятельный, действительно финальный тип (группу) кулайской керамики, отражающий как хронологические, так и региональные особенности развития керамического комплекса кулайской культуры, либо согласиться с некоторыми авторами, предлагающими выделить самостоятельную фоминскую культуру [Ширин, 2003].

Кроме комплексов с Ближние Елбаны-IV и некоторых сосудов из могильника Ближние Елбаны-VII, о которых уже упоминалось выше, подобные, саровские комплексы известны из культурного слоя (возможно, более раннего поселения на территории фоминского могильника) могильника Ближние Елбаны-VII [Ширин, 2003, табл. 5.-7].

Кроме того, комплекс саровской керамики, обладающий тем же набором признаков, которые выделены для керамического комплекса поселения Ближние Елбаны-IV, встречен на поселении Усть-Чумыш-1 (плотное заполнение орнаментального поля орнаментальными элементами [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-1, 2, 5], наличие ярко выраженных карнизиков на венчиках и незаглаженные жемчужины с внутренней стороны сосуда [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-1, 2, 7], наличие элементов, нанесенных в динамичной манере, – волна [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-5, 9]).

Следует уточнить, что комплекс поселения Усть-Чумыш-1 представляет нам переходный от саровского к фоминскому тип керамики. Об этом свидетельствует наличие на фрагментах такого орнаментального элемента, как гладкая «уточка» [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-1, 12, 14, 15], и уже наблюдаемая в орнаментальной композиции некоторая небрежность нанесения орнаментальных элементов [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-1] и их разреженность [Шамшин и др., 1992, рис. 2.-12–15].

Кроме этих памятников саровская керамика встречена в культурном слое могильника Ближние Елбаны-VII (возможно, более раннего поселения на месте фоминского могильника) [Троицкая, 1979, табл. 44.-2, 5; Ширин, 2003, табл. 5.-3, 5, 6, 8].

Наличие саровских комплексов на памятниках Верхнего Приобья позволяет серьезно дополнить, а в некоторых случаях даже пересмотреть существующую на сегодняшний день концепцию освоения Алтайского края кулайскими племенами. Исходными тезисами всех построений служит:

1. Признание генетической преемственности саровского (кулайского) и фоминского керамических комплексов и более ранняя относительная, а, следовательно, и абсолютная датировка комплексов фоминской керамики [Троицкая, 1979, с. 44, 50; Чиндина, 1984, с. 162; Ширин, 2003, с. 19; Казаков и др., 2016а, с. 240; Абдулганеев, 2001, с. 107; Казаков и др., 1994, с. 331; Григоров, 1998, с. 213; Шамшин и др., 1992, с. 62; и др.]. В настоящее время в этом положении практически никто из исследователей не сомневается.

2. Следует признать, что фоминские комплексы появились именно в районах Верхнего Приобья в результате взаимодействия пришлых саровских племен с местным населением, представленным староалейской и каменной археологическими культурами [Троицкая, 1979, с. 47; Чиндина, 1984, с. 162; Казаков и др., 2016а, с. 240; Фролов, 2008, с. 159–162; и др.].

Исходя из этих положений, можно утверждать, что фоминская керамика никак не могла появиться в районах Верхнего Приобья раньше саровской, так как взаимодействие именно саровских традиций с местными привело к формированию фоминского комплекса. Поэтому фоминские комплексы нельзя датировать ранее проникновения «саровцев», так как они являются следствием этого взаимодействия.

Кроме того, из этих положений вытекает еще одно умозаключение, суть которого сводится к тому, что более ранние проникновения племен кулайской культуры (васюганского этапа) в районы Верхнего Приобья не привели к трансформации местных традиций в фоминские, а только подготовили почву для мирного взаимодействия с переселенцами саровского этапа [Троицкая, 1979, с. 47; Казаков и др., 2016а, с. 210].

А о том, что такие проникновения населения васюганского этапа кулайской культуры и его взаимодействие с местными племенами существовали, свидетельствуют памятники Новообинцево [Бородаев, 1987; Ширин, 2004], Бочанцево-I [Ширин, 2004; Григоров, 1998; Иванов, 1991], Новоалтайское [Шамшин, 1993], Чудацкая гора [Ширин, 2004; Григоров, 1998; Абдулганеев и др., 1994], Обские Плесь-II [Горбунов, 1996], Калиновка-I [Ширин, 2004], Крестьянское-III [Ширин, 2004], Кармацкий (кул.) [Тишкин и др., 2012].

Об этом же свидетельствуют и планиграфические наблюдения. Ранние кулайские памятники встречены совместно со староалейскими на Обских Плесях-II (погребения животных), на Ближних Елбанах-VII – саровское, предфоминское поселение находится рядом со староалейским могильником. На комплексе МГК-I соседствуют староалейские и кулайские материалы.

Определившись с основными компонентами, приведшими к формированию фоминского этапа кулайской культуры (фоминского типа памятников, фоминской культуры), попробуем определить время проникновения саровских племен на территорию Верхнего Приобья.

Л.А. Чиндина [1984, с. 160] отмечает миграционную активность кулайского населения начиная с III в. до н.э. По ее мнению, основным индикатором миграционных маршрутов является керамика, выделены две миграционные волны. Первая начинается в III в. до н.э. и привела к заселению Томского Приобья. Начало второй датируется рубежом I–II вв. до н.э. и связано с васюганско-саровским и саровским населением, индикаторами распространения которого служили васюганско-саровские (группа 6) и саровские (группы 7–9) типы керамики. Именно в то время саровские племена, по мнению Л.А. Чиндиной [1984, с. 162], достигли Верхнего Приобья.

Интересно, что кулайская миграционная волна в Новосибирское Приобье, в результате которой сформировался новосибирский вариант кулайской культуры, связана с населением васюганского этапа и его керамическими комплексами [Троицкая, 1979, с. 18]. Чисто саровских комплексов в Новосибирском Приобье не встречено. В коллекциях Новосибирского Приобья не представлен характерный для саровской керамики плотный дробный мелкий орнамент [Троицкая, 1979, с. 40]. Подобный факт позволяет говорить о проникновении именно саровского населения в районы Верхнего Приобья с территорий Томского Приобья. Миграционная волна прошла по Новосибирскому Приобью, не оставив там хорошо фиксируемых в археологическом отношении следов, и осела в районе Ближних Елбанов. Интересно, что в этом случае мы наблюдаем процессы, почти полностью идентичные происходившим в Новосибирском Приобье немного раньше и приведшим к формированию новосибирского варианта кулайской культуры.

Т.Н. Троицкая [1979, с. 46] отмечала, что кулайская культура Новосибирского Приобья возникла в результате проникновения на эту территорию «значительной экзогамной группы, вынужденной вступить в брачные контакты с большереченским населением».

Видимо, миграционная волна «саровцев» из Томского Приобья в Новосибирском Приобье нашла уже освоенные «кулайцами» территории и продвинулась южнее, в район с. Большая Речка, где обосновалась, активно контактируя с местным населением, что и привело к сложению фоминских комплексов.

Вероятно, именно это культурное своеобразие двух регионов (Новосибирского Приобья с васюганским базисным компонентом и Верхнего Приобья с саровским базовым компонентом) привело к формированию очень близких, но имеющих и определенные различия культур – верхнеобской и одинцовской.

Керамика саровского типа датируется Л.А. Чиндиной [1984, с. 106] I в. до н.э. – IV в. н.э. Поскольку вторая миграционная волна датируется рубежом I–II вв. до н.э., можно говорить, что саровские комплексы ранее этого времени на территории Верхнего Приобья появиться не могли [Чиндина, 1984, с. 162].

Говоря о датировках, следует признать их относительность, так как построены они в основном на типологических схемах эволюционного развития керамических комплексов. Абсолютные датировки по аналогиям проведены достаточно давно, более 30 лет назад, и на основании современных материалов в настоящее время были пересмотрены Ю.В. Шириным в 2003 г. Верхней хронологической границей существования саровских комплексов в настоящее время является нижняя хронологическая граница фоминских комплексов, которая Ю.В. Шириным [2003, с. 101–114] определена рубежом II–III вв.

Саровские комплексы являются более ранними. Поэтому датировать поселение Ближние Елбаны-IV мы можем в настоящее время пока также лишь относительно. Верхняя хронологическая граница этого поселения не может быть позже рубежа II–III вв., т.е. определяется нижней границей фоминских комплексов. Нижней хронологической границей является время формирования саровских комплексов, которое определено Л.А. Чиндиной как I в. до н.э.

Более точную датировку саровских комплексов на территории Верхнего Приобья в настоящее время установить достаточно сложно. Надеюсь, что эта задача будет решена исследователями в ближайшем будущем.

Говоря о путях миграции саровского населения в Верхнее Приобье, следует признать вслед за Л.А. Чиндиной [1984, с. 160], что индикаторами этого пути являются керамические комплексы. Один из них встречен на поселении Усть-Чумыш-1. Таким образом, в настоящее время можно говорить, что миграционный путь саровского населения проходил по крупным лесным массивам правобережья Оби.

Этот тезис не противоречит и общепринятым положениям о среде обитания и типе хозяйственной деятельности «кулайцев», которые являются лесными жителями и, следовательно, искали для своей жизнедеятельности сходные условия. Именно правый берег Оби был занят крупными лесными массивами, которые и являются экологической зоной обитания «кулайцев».

Таким образом, мы можем говорить, что саровские комплексы существовали на территории Верхнего Приобья в период (пока гипотетически) с I в. до н.э. по III в. н.э.

Миграционная волна нового населения, приведшая к формированию фоминского этапа (типа памятников культуры) кулайской культуры, а следовательно, и к изменению культурного облика всего региона, была представлена носителями саровского типа керамики. Продвижение мигрантов на территории их нового проживания (Верхнее Приобье) осуществлялось по боровым массивам правого берега Оби, что фиксируется материалами археологических памятников.

Фоминские комплексы на территории верхнего Приобья не могут быть датированы ранее рубежа II–III вв. Более ранние проникновения представителей кулайской культуры в Верхнее Приобье связаны с населением васюганского этапа и не привели к глобальным культурно-историческим трансформациям, подготовив почву для мирного взаимодействия аборигенного населения и «кулайцев-саровцев» и появления в результате культуругенетических процессов памятников фоминского этапа кулайской культуры, керамические комплексы которой достаточно сильно отличаются от саровских.

Дальнейшее накопление материалов и их осмысление позволит конкретизировать высказанные гипотезы и, самое главное, более обоснованно и конкретно датировать памятники, которые представлены керамическими комплексами саровского этапа кулайской культуры.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 103–110.

Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111–115.

Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск : Наука, 1987. С. 96–114.

Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 2. С. 183–189.

Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плесьи-II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 156–166.

Григоров Е.В. К вопросу о нижней хронологической границе памятников фоминского типа в Верхнем Приобье (по материалам поселений) // Древние поселения Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 212–213.

Григоров Е.В., Казаков А.А. Барнаульско-Бийское Приобье в 1–12 вв. (по данным погребально-обряда). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 230 с.

Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка // Краткие сообщения института исследования материальной культуры. М. : АН СССР, 1951. Вып. 40. С. 105–113.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 256 с. (МИА. №48).

Иванов Г.Е. Поселение Бочанцево-I – памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 117–121.

Казаков А.А. К археологической карте Бийского района и верховьев р. Оби // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016а. Вып. XXII. С. 109–116.

Казаков А.А. Материалы I тысячелетия со сборов у с. Фоминского // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016б. Вып. XXII. С. 116–121.

Казаков А.А., Абдулганеев М.Т. Лесостепной Алтай // Этнокультурная история Западной Сибири. Поселения и жилища. Томск : Томский университет, 1994. С. 331–333.

Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культуругенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №4 (92). С. 238–243.

Казаков А.А., Кунгуров А.Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 219–231.

Сайберт В.О. Результаты археологической разведки в Тальменском районе Алтайского края в 2016 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 44–48.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения кулайской культуры на памятнике Кармацкий в Барнаульском Приобье // Игорь Геннадьевич Глушков : сборник научных статей. Ханты-Мансийск : ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2012. Ч. 3. С. 102–109.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 126 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. 256 с.

Шамшин А.Б. Новоалтайское поселение // Алтайский сборник. Барнаул : ГИПП «Алтай», 1993. Вып. 18. С. 70–82.

Шамшин А.Б., Казаков А.А. Аварийные археологические раскопки в Тальменском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск : [Б.и.], 1992. С. 61–62.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале 1 тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. №2. С. 51–61.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.

References

Abdulganeev M.T. Fominskij kompleks poseleniya Malyj Itkul'-1 [Fominsky Complex of the Maly Itkul-1 Settlement]. Problemy izucheniya drevnej i srednevekovoj istorii [Problems of the Study of Ancient and Medieval History]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2001. Pp. 103–110.

Abdulganeev M.T., Kazakov A.A. Poselenie Chudackaya Gora [Chudatskaya Gora Settlement]. Paleodemografiya i migracionnye processy v Zapadnoj Sibiri v drevnosti i srednevekov'e [Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Antiquity and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 111–115.

Borodaev V.B. Novoobincevskij klad [Novobintsevsky Treasure]. Antropomorfnye izobrazheniya [Anthropomorphic Images]. Novosibirsk : Nauka, 1987. Pp. 96–114.

Borodaev V.B., Gorbunov V.V. Troick-1 – novoe poselenie kulajskoj kul'tury na levoberezh'e Barnaul'skogo Priob'ya [Troitsk-1 – a New Settlement of the Kulay Culture on the Left Bank of the Barnaul Priobye]. Ohrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya [Protection and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. Ch. 2. Pp. 183–189.

Gorbunov V.V. Ritual'nye zahoroneniya zhivotnyh kulajskoj kul'tury (gruntovyj mogil'nik Obskie Plesy-II) [Ritual Burial of Animals of the Kulay Culture (ground burial Obskie Plyosi)]. Pogrebal'nyj obryad drevnih plemen Altaya [Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 156–166.

Grigorov E.V. K voprosu o nizhnej hronologicheskoj granice pamyatnikov fominskogo tipa v Verhнем Priob'e (po materialam poselenij) [To the Question of the Lower Chronological Border of the Fomintype Sites in the Upper Priobye (based on settlements)]. Drevnie poseleniya Altaya [Ancient Settlements of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 212–213.

Grigorov E.V., Kazakov A.A. Barnaul'sko-Bijskoe Priob'e v 1–12 vv. (po dannym pogrebal'nogo obryada) [Barnaul-Biysk Priobye in the 1st – 12th Centuries (according to the funeral rite)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. 230 p.

Gryaznov M.P. Arheologicheskoe issledovanie territorii odnogo drevnego poselka [Archaeological Research of the Territory of an Ancient Village]. Kratkie soobshcheniya instituta issledovaniya material'noj kul'tury [Brief Communications of the Institute for the Study of Material Culture]. M. : AN SSSR, 1951. Issue 40. Pp. 105–113.

Gryaznov M.P. Istoriya drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob through Excavations near the Bolshaya Rechka Village. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1956. 256 p. (MIA, №48).

Ivanov G.E. Poselenie Bochancevo-I – pamyatnik kulajskoj kul'tury v stepnom Altae [Bochantsevo-I Settlement – a Site of Kulay Culture in the Steppe Altai]. Ohrana i issledovanie arheologicheskikh pamyatnikov Altaya [Protection and Research of Archaeological Sites of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1991. Pp. 117–121.

Kazakov A.A. K arheologicheskoj karte Bijskogo rajona i verhov'ev r. Obi [To the Archaeological Map of Biysk District and the Upper River Ob]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016a. Issue XXII. Pp. 109–116.

Kazakov A.A. Materialy I tysyacheletiya so sborov u s. Fominskogo [Materials of the I Millennium from Fees at the Fominskoe Village]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016b. Issue XXII. Pp. 116–121.

Kazakov A.A., Abdulganeev M.T. Lesostepnoj Altaj [Forest-steppe Altai]. Etnokul'turnaya istoriya Zapadnoj Sibiri. Poseleniya i zhilishcha [Ethnocultural History of Western Siberia. Settlements and Dwellings]. Tomsk : Tomskij universitet, 1994. Pp. 331–333.

Kazakov A.A., Kazakova O.M. O centrakh kul'turogeneza na yuge Zapadnoj Sibiri v pervom tysyachel'ii [On the Centers of Cultural Genesis in the South of Western Siberia in the First Millennium]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. 2016. №4 (92). Pp. 238–243.

Kazakov A.A., Kungurov A.L. Kompleks gorodishch okolo Bijska [The Complex of Ancient Settlements near Biysk]. *Kul'tura narodov evrazijskih stepej v drevnosti* [Culture of the Peoples of the Eurasian Steppes in Antiquity]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. Pp. 219–231.

Sajbert V.O. Rezul'taty arheologicheskoy razvedki v Tal'menskom rajone Altajskogo kraja v 2016 g. [The Results of Archaeological Exploration in the Talmensky District of the Altai Territory in 2016]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Issue XXIII. Pp. 44–48.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Pogrebeniya kulajskoj kul'tury na pamyatnike Karmackij v Barnaul'skom Priob'e [Burials of the Kulay Culture at the Karmatsky Site in the Barnaul Priobye]. *Igor' Gennad'evich Glushkov: sbornik nauchnyh statej* [Igor' Gennadievich Glushkov: Collection of Scientific Articles]. Hanty-Mansijsk : OOO «Pechatnyj mir g. Hanty-Mansijsk», 2012. Part 3. Pp. 102–109.

Troickaya T.N. Kulajskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [The Kulay Culture in the Novosibirsk Priobye]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 126 p.

Chindina L.A. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epohu zheleza [The Ancient History of the Middle Ob in the Iron Age]. Tomsk : Izd-vo Tomsk un-ta, 1984. 256 p.

Shamshin A.B. Novoaltajskoe poselenie [New Altai Settlement]. *Altajskij sbornik. Vyp. 18* [Altai Collection. Vol. 18]. Barnaul : GIPP «Altaj», 1993. Pp. 70–82.

Shamshin A.B., Kazakov A.A. Avarijnye arheologicheskie raskopki v Tal'menskom rajone [Emergency Archaeological Excavations in the Talmensky Region]. *Problemy sohraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arheologii* [Problems of Conservation, Use and Study of Archeological Sites]. Gorno-Altajsk : B.i., 1992. Pp. 61–62.

Shirin Yu.V. Verhnee Priob'e i predgor'ya Kuzneckogo Alatau v nachale 1 tys. n.e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoj kul'tury) [Upper Priobye and Foothills of the Kuznetsk Alatau at the Beginning of the 1st Millennium AD (funerary sites of the Fominskaya culture)]. *Novokuzneck : Kuzneckaya krepost'*, 2003. 288 p.

Shirin Yu.V. O rannih kulajskih pamyatnikah Verhnego Priob'ya [About the Early Kulay Sites of the Upper Priobye]. *Rossijskaya arheologiya* [Russian Archaeology]. 2004. №2. Pp. 51–61.

Frolov Ya.V. Pogrebal'nyj obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v. n.e. (po dannym gruntovyh mogil'nikov) [Funeral Rite of the Population of Barnaul Ob in the 6th Century. BC – the 2nd Century AD (according to soil burial grounds)]. Barnaul : Azbuka, 2008. 479 p.

A.A. Kazakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

BLIZHNE ELBANY-4 SETTLEMENT (based on the materials of the State Hermitage Museum)

This article is the first to publish in full the materials of the Blizhnie Yelbany-4 settlement, which were previously published only partly; as a result, the entire complex did not receive a comprehensive analysis. The full publication of materials and their analysis is given in comparison with new materials of the Kulaiskaya culture at Fominskiy stage that have been recently received and introduced into scientific circulation. They originate from the territory of the Barnaul-Biysk Ob River Region, as well as the neighbouring regions. It made it possible to speak about the presence of the Barnaul-Biysk Ob ceramic complexes of the Kulaiskaya culture at the Sarovskii stage that has previously been denied by the researchers. In addition, the publication of this complex made it possible to identify characteristic, culture-diagnostic features of ceramic complexes of the Kulaiskaya culture at the Sarovskii stage. The distinction between the Sarovskii and Fominskii complexes suggests the presence of both Sarovskii and Fominskii sites in the Barnaul-Biysk Ob Region, as well as mixed Sarovskii-Fominskii sites which indicates the transformation of the Sarovskii stage into the Fominskii stage on the territory of the forest-steppe Altai. The research resulted in identifying the beginning of the Kulaiskaya culture population development of the forest-steppe Altai at the earlier time and correcting the routes of migration of those people to the territory.

Key words: settlement, Kulaiskaya culture, analysis, ceramics, morphology, ornamentation, migration